

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

Усмирение шипящих

Наталья Зимянина

07 февраля 2006

Фасад консерватории по-мосфильмовски осветили яркими софитами. Мороз не помешал выставить дополнительный кордон охраны. А проникнуть без билета в партер стоило героическим меломанам дополнительных акробатических усилий. В Большом зале консерватории впервые в Москве выступила великая певица Рене Флеминг. И, что еще приятней, в дуэте с Дмитрием Хворостовским. Когда два года назад они пели в «Метрополитен Опера» «Травиату», коллеги подтрунивали над Флеминг: «Что ты так убиваешься по поводу Альфреда? Обрати лучше внимание на папашу!» И разве мы не убедились, что рядом с такой красивой самодостаточной парочкой любой самый звонкий тенор – третий лишний. Ибо в исполнении Хворостовского даже занудный папаша Жермон, укоряющий Виолетту-Флеминг, придает знаменитому дуэту особую окраску. Пожалуй, главное в их ансамбле – сочетание мужественного баритона и нежного, как кажется, негромкого женственного сопрано. Правда, Дмитрий Александрович на пресс-конференции уверял, что Рене – человек потрясающей воли и самообладания. С виду и не скажешь: похожа на красотку-школьницу в каком-нибудь голливудском фильме про тинейджеров. Хотя, конечно, оказаться у нас в такие трескучие снежные холода – уже испытание. Но Рене смеется: «В Америке я выросла в заснеженном районе. Так что это родная стихия». Но, между прочим, ходить по сцене Большого зала консерватории, шурша кружевными подолами, – занятие тоже не для слабонервных. А что как гвоздь или зазубрина? Хворостовский впервые выступил перед концертом с речью: представил Рене как любимую партнершу и очень близкого друга и заявил о начале целой серии концертов «Хворостовский и его друзья». Партер, законную основу которого составляли главным образом люди новорусского толка, встречал певцов с заведомой овацией. Поди, заплатишь 25 тысяч за билет – будешь хоть черту лысому аплодировать. А тут – тем более. Длинная сцена Дездемоны, тишайше, трогательно спетая и потрясающе сыгранная Флеминг, у зрителей партера, сидевших как мышки, вызвала скорее недоумение. По нашим понятиям, певица должна петь громко! Другое дело – куплеты Эскамильо, которыми Хворостовский заканчивал отделение. Первые ряды, радостно узнав знакомый мотивчик, даже ногами в такт закачали. Флеминг, дочь церковного регента, в 19 лет начинала как джазовая певица, в принципе поет и духовные песнопения, и барочную музыку. И, как на этом концерте, просто редкости – «Цецилию» Рихарда Штрауса или неведомую песню Мариетты из экспрессионистской оперы 20-х годов «Мертвый город» ВВ

австрийца Эриха Корнгольда. Поет и тонко играет, блаженно улыбаясь, и, даже замолкнув, проигрывает лицом весь долгий, медленный оркестровый финал, словно тая в мареве собственной звуковой ауры. Наступательная музыка к III действию «Лоэнгрина» перекидывает нас почему-то к арии Шакловитого (Хворостовский поет ее впервые), загадочного персонажа «Хованщины». Ну с чего бы подлому начальнику розыскного приказа думать скорбную думу о родине? Певцу, однако, явно нравится петь: «Не дай Руси погибнуть!..» со всей силой страсти, даже с надрывом. Публика в восторге. Еще пуще – его князь Игорь («О дайте, дайте мне свободу»): это тоже все в партере знают, хотя бы по анекдотам. Но что уж точно объединяло весь зал вплоть до галерки (где, кстати, продавались нормальные программки за 20 рублей, а не жирные буклеты за 300, как в партере) – так это буквально целые сцены из спектаклей, исполненные артистами с полной отдачей. Кроме «Травиаты», прозвучал финал «Евгения Онегина», где Флеминг героически пела порусски, пытаясь усмирить наши шипящие (попробуйте-ка спеть «Лучше» – это не «Соле мио!»). Татьяна у нее вышла отменная: действительно, как и убеждал нас на пресс-конференции Хворостовский, эта певица может не только удивить, но и научить. А уж когда загорелый Онегин (только что с гастролей в Майами) на коленях перед нею поет: «Я так наказан!», нормальная женщина на месте жены Хворостовского Флоранс не сидела бы так довольной в 7-м ряду. Бисовый дуэт моцартовских Дон Жуана и Церлины показал нам совсем другое, легчайшее любовное настроение: вот-вот соблазнитель умыкнет от жениха доверчивую дурочку... Последовавшее «Summertime» Гершвина выявило долгожданный джазовый крен Рене. Концерт логично завершил лирический дуэт из «Веселой вдовы», где парочка даже слегка провальсировала, близко глядя друг другу в глаза. Энергия дирижера Константина Орбеляна, без которого, можно догадаться, не было бы ни американских гастролей Хворостовского с русскими военными песнями, ни этого концерта с Флеминг, весь вечер так и хлестала через край. Хор Академии Виктора Попова выглядел более чем достойным партнером звездам. К концу публике нравилось все подряд. Первым вскочили с аплодисментами главные ценители оперы – Валерия и Иосиф Пригожин. Ну, по крайней мере, все заметили, что они здесь, на одном ряду с Михаилом Козаковым и не так уж далеко от Ирины Архиповой. Разве уже за это не стоит заплатить по десять российских пенсий за билет?!